

О. А. Димитриева

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
СИТУАЦИИ ВИНОПИТИЯ
В РОМАНЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»**

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности репрезентации ситуации винопития в романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» (2000). Целью исследования является определение акцентов, расставляемых автором, в процессе создания указанного семантического фрагмента. Актуальность настоящего исследования видится в том, что разрабатывается и описывается часть фрагмента семантического поля *Винопитие* в его индивидуально-авторской интерпретации в художественном тексте. Уделяется особое внимание трем аспектам осмысления ситуации винопития: национальной специфике понятия «русский алкоголизм», представленного в романе «Казус Кукоцкого», его семантике; некоторым профессиональным стереотипам; описанию образа жизни и привычек Кукоцкого как частного варианта репрезентации общенационального и профессионального влияния. Выявлено, что общенациональные вакхические стереотипы выражают духовно-идейную семантику культуры винопития, стереотипы профессиональной сферы связаны с социально-иерархической, привычки Кукоцкого в винопитии соотносятся с утилитарной и функциональной семантикой. Отмечается, что основными параметрами, характеризующими общенациональные вакхические стереотипы, являются локус, введение квантора всеобщности или иных слов с семантикой всеохватности, обобщенного субъекта, этической оценки, привлекается также дихотомия *свой – чужой*. Делается вывод о том, что лексика профессиональных стереотипов отличается от употребляемой в общенациональных стереотипах тем, что содержит субъективно-оценочные словообразовательные элементы.

Ключевые слова: *концептуализация, категоризация, семантика винопития, культура питья, национальный менталитет, индивидуально-авторский образ мира, языковая картина мира.*

О. А. Dimitrieva

**ON SOME PECULIARITIES OF THE REPRESENTATION
OF THE SITUATION OF WINE DRINKING IN THE NOVEL
BY LYUDMILA ULITSKAYA “THE KUKOTSKY ENIGMA”**

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. The article discusses some peculiarities of the representation of the situation of wine drinking in the novel by Lyudmila Ulitskaya “The Kukotsky Enigma” (2000). The purpose of the study is to determine the accents placed by the author in the process of creating the specified semantic fragment. The relevance of this research is due to the fact that a part of the fragment of the semantic field of wine drinking in its individual author’s interpretation in the text is developed and described. The author pays close attention to three aspects of understanding the situation of wine drinking such as the national specifics of the concept of “Russian alcoholism” presented in the novel “The Kukotsky Enigma”, its semantics; some professional stereotypes; the description of the lifestyle and habits of Kukotsky as a particular variant of the representation of national and professional influence. It is revealed that the national bacchanalian stereotypes express the spiritual and ideological semantics of the wine-drinking culture, the stereotypes of the professional sphere are associated with the socio-hierarchical one, and Kukotsky’s habits

in wine-drinking are correlated with utilitarian and functional semantics. It is noted that the main parameters that characterize the nationwide bacchanalian stereotypes are the locus, the introduction of a quantifier of universality or other words with the semantics of inclusiveness, a generalized subject, an ethical assessment, and the dichotomy of friend and foe is also involved. It is concluded that the vocabulary of professional stereotypes differs from that used in national stereotypes in that it contains subjective-evaluative word-forming elements.

Keywords: *conceptualization, categorization, semantics of wine drinking, drinking culture, national mentality, individual author's image of the world, language worldview.*

Введение. Исследованию творчества Людмилы Улицкой посвящено немало работ, предметом изучения которых являются индивидуально-авторские базовые концепты «дом» [2], «мать», «семья», «смерть» [12], а также своеобразие самой формы построения художественного текста, такой как сага [15], специфика художественной детали (сакральной, цветовой, «чеховской», ментальной характеристики героев) [9] или особенности языка автора, в частности, функциональность имен и прозвищ героев, их соотносительность с замыслом автора, их общекультурный смысл [4]; слова-знаки, которые получают «жизнь в цвете» и обладают «формой, протяженностью, метафорическим зеркальным отражением в предметном мире» [22, с. 72]; специфика синтаксиса автора [14], [21].

Предметом наших изысканий является выявление специфичности репрезентации ситуации винопития в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Цель исследования – определить особенности и акценты, расставляемые автором, в процессе создания указанного семантического фрагмента.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена изучением, разработкой и описанием фрагмента семантического поля *Винопитие* и его индивидуально-авторской интерпретацией в мире художественного текста. В данной статье уделяется внимание некоторым аспектам преломления указанного фрагмента в художественном мире Людмилы Улицкой. В исследовании мы опираемся на следующие научные понятия: «фон и фигура» в нарратологии (например, в работах О. К. Ирисхановой) [10]; «семантическое текстовое поле» в лингвистике текста (по Н. С. Валгиной) [3]; «ключевые слова как центры аттракции» (по Ю. Н. Караулову) [11], «лексическая сетка текста» (по Е. Е. Котцовой) [16] и «доминантный принцип в языковом общении», разрабатываемый в когнитивной лингвистике Н. Н. Болдыревым и его научной школой [1].

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужил текст романа Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» (2000). В работе использованы описательный метод, методы контекстуального и концептуального анализа и моделирования.

Результаты исследования и их обсуждение. Обратим внимание на следующие аспекты: во-первых, рассмотрим национальную специфику понятия «русский алкоголизм», представленного в романе «Казус Кукоцкого», его семантическое наполнение; во-вторых, некоторые стереотипы в профессиональной сфере; в-третьих, привычки и образ жизни Кукоцкого как частный вариант репрезентации общенационального и профессионального влияния.

1. Интерпретация винопития сквозь призму национального мировидения не нова. Например, в рассказах Н. С. Лескова мы читаем о связи винопития с национальностью и вероисповеданием: «*Я лег для опаски в траву и высматриваю: что за народ такой? Потому что боюсь, чтобы опять еще в худший плен не попасть, но вижу, что эти люди пищу варят ... Должно быть, думая, христиане. Подполз еще ближе: гляжу, крестьян-ся и водку пьют, – ну, значит, русские!* <...> «*Пей водку!*» Я отвечаю: «*Я, братцы мои, от нее, с татарвой живу, совсем отвык*». «*Ну, ничего, – говорят, – здесь своя нация, опять привыкнешь: пей!*» (Очарованный странник) [17, с. 446–447]. Как видно из примера,

на первый план выступает обрядовость, некий ритуал, последовательность действий (*крестятся и водку пьют*), которая маркирует принадлежность к определенной нации (*здесь своя нация, опять привыкнешь*) [6]. В романах Ф. М. Достоевского выделяется связь между склонностью к употреблению спиртного и свойством характера: *«Вы, сударь, не призирайте меня: в России пьяные люди у нас самые добрые. Самые добрые люди у нас и самые пьяные»* (Братья Карамазовы) [8, с. 57]. Здесь обращается внимание на индивидуальные черты характера русского человека в совокупности с неким образчиком поведения или типичным образом жизни (подробнее см. [5]).

Обратимся к репрезентации ситуации *винопития* в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Рассмотрим следующие примеры:

(1) *«Запой Павла Алексеевича, несмотря на их изначально дипломатический характер, отнюдь не были фиктивными. Елена, хоть и тревожилась о здоровье своего немолодого мужа, не делала никаких попыток как-то его остановить. Не разум, а женское чутье, как всегда, руководило ею. Она ничего не знала о природе пьянства, в особенности пьянства русского, когда не находящая выхода душа находит легкое и доступное утешение: ни лжи, ни стыда»* [23, с. 62];

(2) *«В Академии между тем от него [Павла Алексеевича] отвязались: репутация пьяницы была своеобразной индульгенцией. Ни к одному пороку в нашей стране не относятся так снисходительно, как к пьянству. Все пьют – цари, архиереи, академики, даже ученые попугаи...»* [23, с. 63];

(3) *«Тюрьмы и лагеря принимают большую часть мужской популяции, лишают их шанса оставить потомство. Деформацию ощущаешь? И к этому добавим знаменитый русский алкоголизм»* [23, с. 299].

Во всех трех примерах указывается на общенациональный характер употребления спиртного: *пьянство русское* (пример 1), *в нашей стране* (пример 2), *русский алкоголизм* (пример 3), причем в первом и третьем примерах дополнительно подчеркивается именно особенность характерного для русских пьянства: в первом случае – с помощью обратного порядка слов (существительное + прилагательное), в последнем – сочетаемостью с прилагательным *знаменитый*. Во втором примере генерализованный характер высказывания связан прежде всего с субъектом действия, выраженного местоимением *все*, самим действием, не локализованным на линии времени (глагол *пьют*), а также последовательным перечислением лиц в иерархическом порядке от высокого ранга с постепенным понижением в социальном статусе и открытым концом, графически маркированным с помощью многоточия, «говорящем» о возможном бесконечном продолжении списка. Интересен последний из приведенных членов иерархической лестницы – *ученые попугаи* в сочетании с выделительно-усилительной частицей *даже*, что создает иронический эффект включенности неожиданного субъекта – *птицы* – в ситуацию винопития.

В приведенных высказываниях проявляется какой-либо один из часто указываемых аспектов винопития, объясняющих склонность к употреблению спиртного или отношение к нему:

1) *дипломатический характер* «запоев» главного героя Алексея Павловича Кукоцкого связан с нежеланием выступать публично за проводимую в государстве кампанию против генетики и евгеники, стремлением сохранить порядочность и самоуважение, попыткой избежать таким способом «ложь и стыд» (*не находящая выхода душа находит легкое и доступное утешение: ни лжи, ни стыда*). В романе Л. Н. Толстого «Воскресение» также приводится подобная ситуация, в которой винопитие осмысливается как своего рода способ примирения с окружающей действительностью: *«Генерал принадлежал к типу ученых военных, полагающих возможным примирение либеральности и гуманности с своею профессиею. Но, как человек от природы умный и добрый, он очень скоро*

почувствовал **невозможность такого примирения и, чтобы не видеть того внутреннего противоречия**, в котором он постоянно находился, все больше и больше отдавался столь распространенной среди военных **привычке пить много вина** и так предался этой привычке, что после тридцатипятилетней военной службы **сделался тем, что врачи называют алкоголиком**» [20, с. 439]. Невозможность соединения двух взаимоисключающих явлений – военного дела и гуманности / либеральности – становится причиной своеобразного ухода от реальной действительности;

2) **снисхождение** со стороны окружающих по отношению к пьяным – другая черта, проявляемая во взаимоотношениях субъекта винопития с социумом. Автор называет **репутацию пьяницы индальгенцией** – разрешением и принятием со стороны общественности того факта, что человек временно пренебрегает своими обязанностями по причине употребления спиртного (*Ни к одному пороку в нашей стране не относятся так снисходительно, как к пьянству*);

3) прилагательное **знаменитый** с положительной семантикой («пользующийся широкой известностью, прославленный» (МАС) [19, с. 616] вводится в состав словосочетания с существительным **алкоголизм** с негативной оценкой, что в целом эксплицирует распространенность «заболевания» среди русской нации.

2. Общациональное является часто результатом частных, социально маркированных стереотипов. «Стереотип, – пишет А. И. Маковеева, – когнитивная модель, разделяемая членами общества, образующаяся в результате процесса структурирования их совокупного опыта, репрезентирующая в обобщенном виде социально значимые объекты (людей, события, предметы, явления) и их оценку» [18]. Основными значимыми компонентами приведенного определения являются, во-первых, представление о стереотипе как о «когнитивной модели», носителями которой становятся члены общества, во-вторых, объект стереотипизации – значимые для данного социума объекты, в-третьих, их соотнесение с аксиологической шкалой, установление оценочного статуса явления. Рассмотрим следующие фрагменты романа, содержащие стереотипное поведение в профессиональной сфере:

(1) «– Я тебе коньяку армянского купила, – улыбнулась Таня мокрыми глазами, и Павел Алексеевич обрадовался – **не коньяку, конечно, который и по сей день несли ему пациенты в количествах, превышающих возможности человеческого потребления** <...>» [23, с. 320];

(2) «Павел Алексеевич сделал все то, что сделал бы в любом другом случае: позвонил в горздрав, вызвал заведующего санэпидстанции и главного эпидемиолога. Городскую медицину **залихорадило сверху донизу, так что даже уборщицы стали мыть сортиры два раза в день, средний медперсонал не напивался по ночам, а кухня остерегалась с выносом ворованного масла и мяса**» [23, с. 423];

(3) «Музыканты **были пьяны, но в меру**. Вечером они должны были играть в местном доме отдыха и **соблюдали рабочую норму**. Они играли вместе уже полгода и отлично знали, **до какой поры вино музыку улучшает, а с какого момента разрушает. Попивали кисленькое**» [23, с. 364].

Первый пример фиксирует взаимоотношения между пациентом и доктором: коньяк является традиционным средством выражения «благодарности» пациента доктору (данный стереотип также упоминается в работе Ю. В. Доманского [7]). Имея большую практику, Кукоцкий становится своего рода бенефициаром, а средством оплаты является коньяк **в количествах, превышающих возможности человеческого потребления**. Во втором примере косвенным образом описывается обычное времяпрепровождение среднего медперсонала больницы (*средний медперсонал не напивался по ночам*). И в том, и в другом случаях имплицитно (пример 1) и эксплицитно (пример 2) предполагается, что представители

медицинской профессии употребляют спиртное. В третьем примере субъектом винопития являются музыканты, для них *вино* является средством, способным оказывать положительное влияние на музыку при соблюдении *рабочей нормы*.

Выход на обобщающий уровень стереотипа создается здесь не только лексически-ми средствами языка, но и грамматическими: смена конкретного субъекта обобщенным или его дополнение (см., пример 1, в котором к герою Павлу Алексеевичу добавляется абстрактный образ пациентов, приносящих ему коньяк; в примере 3 *вино* используется в значении *любой спиртной напиток*); глагольные предикаты, употребленные в ситуации конкретного единичного действия (*улыбнулась, обрадовался* (1); *соблюдали рабочую норму; попивали* (3)) сочетаются с глаголами, не локализованными на временной линии в ситуации повторяющегося действия (*несли* (1)) или постоянного отношения (*улучшает* (3)). В третьем примере одним из средств введения генерализованного ключа в повествование является придаточное изъяснительное с предикатом знания. Во втором отрывке использование отрицательной частицы *не* при глаголе *напиваться* соотносит две ситуации: текущая описывается через отрицание типической, характерной для данного сообщества (*для среднего медперсонала*).

3. Особенности внутреннего отношения к винопитию сквозь призму сознания Кукоцкого, его привычек рассмотрим на следующих примерах:

(1) «Павел Алексеевич приготовился долго ждать, но его вызвали через две минуты. К этому времени алкоголь добрался до всех завитков нервной системы и разлил свое безмятежное тепло и покой» [23, с. 34–35];

(2) «Павел Алексеевич <...> тоже медлил, ожидая, пока **алкогольная волна разойдется по телу, и, почувствовав тепло**, говорил привычно «приятного аппетита» и принимался за *Василисин жидкий суп*. <...> Говорили слова самые незначительные и лишь необходимые: *передай соль, спасибо, очень вкусно... Потом Павел Алексеевич уходил к себе, допивал в течение вечера бутылку, оставляя на два пальца от дна утреннюю дозу. Это была теперь его форма борьбы со временем – печальная попытка его уничтожения*» [23, с. 294];

(3) «*Всякий раз, когда его [Павла Алексеевича] круговая тревожная мысль подходила к этому месту, он открывал свой портфель и делал большой глоток из фляги, обтянутой брезентом. Это была **автоматическая реакция, образовавшаяся в конце сороковых**, когда вызов в министерство или на собрание в Академию обещал неприятности... **Гидроксильная группа (–ОН) около насыщенного атома углерода, голубушка, привычным образом защищала его от неприятностей внешних и внутренних...***» [23, с. 377–378].

«Пространство культуры, – пишет М. Л. Ковшова, – постоянно «подвергается» моделированию и параметризации» [13, с. 24]. Семантика культуры реализуется в нескольких аспектах: 1) утилитарном (значимость с точки зрения полезности предмета), 2) функциональном (назначение в той или иной сфере), 3) социально-иерархическом (определяющей статус участников), 4) эстетическом, 5) духовно-идейном (подробнее см. [13]). В приведенных примерах явно прослеживается утилитарная семантика винопития, которая имеет свои отличительные характеристики, такие как введение научной (медицинской / анатомической / химической) терминологии (*нервная система, гидроксильная группа (–ОН) около насыщенного атома углерода, доза*), обобщенное наименование спиртного по его составу – *алкоголь*. В примерах 1–2 основным результатом употребления вина является *тепло и покой*. В третьем примере вводится обращение к спиртному *голубушка*, что показывает смену нарратива на несобственно-прямую речь и эксплицирует внутренние мысли главного героя. В этом высказывании маркируется цель винопития – защита от внешних и внутренних неприятностей в конце сороковых годов. Во втором примере цель Кукоцкого становится другой – попытка борьбы со временем, его уничтожение.

Выводы. Итак, если опираться на вышеизложенную классификацию М. Л. Ковшовой о семантике культуры, можно соотнести рассматриваемые общенациональные стереотипы как выражающие духовно-идейную семантику культуры винопития, стереотипы профессиональной сферы – с социально-иерархической, привычки Кукоцкого в винопитии – с утилитарной и функциональной семантикой.

Основными элементами, создающими общенациональный стереотип русского пьянства, являются следующие: локус (*в нашей стране*), введение квантора всеобщности (*все пьют; ни к одному пороку*) или прилагательного с семантикой всеохватности (*знаменитый*), обобщенного субъекта, апелляция к национальности (*русский*), соотнесение с этической оценкой (*ни к одному пороку*). Привлекается дихотомия *свой – чужой*, причем отмечается включенность в нее с помощью притяжательного местоимения *наш*.

Профессиональные стереотипы указывают сферу деятельности, описывают статус участников и их взаимоотношения. Лексика здесь отличается от употребляемой в общенациональных стереотипах тем, что может содержать субъективно-оценочные словообразовательные элементы, выражающие, к примеру, интенсивность – *напиваться*, размеренность, повторяемость во времени – *попивать* и т. п. (ср. с нейтральным *пить* в общенациональных стереотипах). Глагольные предикаты употребляются как в ситуации постоянного отношения, вневременной, что совпадает с высказываниями, содержащими национальные характеристики, так и в ситуации повторяющегося действия, как правило, нехарактерной для первых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXXVIII: Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 21–30.
2. Валеева Д. Р. Языковые реализации концепта «Дом» в произведениях Л. Улицкой // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2019. – № 1. – С. 50–57.
3. Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие. – М. : Логос, 2003. – 173 с.
4. Глазкова М. М. Лингвopoэтика имени в новейшей русской литературе (на материале прозы Захара Прилепина и Людмилы Улицкой) // Филология: научные исследования. – 2019. – № 1. – С. 158–167.
5. Димитриева О. А. «В России пьяные люди у нас самые добрые...» (Об образе пьяного человека в произведениях Ф. М. Достоевского) // Мир русского слова. – 2019. – № 3. – С. 56–61.
6. Димитриева О. А. Особенности концептуализации ситуации винопития в произведениях Н. С. Лескова // Научный диалог. – 2020. – № 2. – С. 70–84.
7. Доманский Ю. В. Винная карта «нового русского»: спиртное в «Москве» Вл. Сорокина и Ал. Зельдовича // Литературный текст: проблемы и методы исследования : сборник научных трудов. – Т. 8. Мотив вина в литературе. – Тверь : Лилия Принт, 2002. – С. 147–155.
8. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман. – М. : АСТ, 2004. – 781 с.
9. Жаворонок И. А. Художественная деталь и ее функции в творчестве Л. Е. Улицкой : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Тверь, 2012. – 19 с.
10. Ирисханова О. К. О распределении внимания в нарративных текстах: анализ рассказа Дж. Апдайка «*Daughter, last glimpses of*» // Вестник МГЛУ. – 2013. – № 17(677). – С. 18–36.
11. Караулов Ю. Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского // Слово Достоевского. 2000. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 424–444.
12. Карелова И. И. Национальная концептосфера и идиоконцептосфера (на материале произведений Л. Е. Улицкой) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Волгоград, 2009. – 23 с.
13. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. – М. : Гнозис, 2015. – 368 с.
14. Козлова Л. Н. Синтаксические средства создания разговорности (на материале произведений Л. Улицкой) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2009. – № 2(10). – С. 110–114.
15. Колядич Т. М. Рефлексия жанра саги в современной прозе (Л. Улицкая и Г. Яхина) // Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации. – М. : МПГУ, 2018. – С. 298–315.

16. Котцова Е. Е. Глаза в портретных характеристиках героев романа Е. И. Замятина «МЫ» // Язык как отражение духовной культуры народа : материалы международной конференции. – Архангельск : ООО «Консультационное информационно-рекламное агентство», 2018. – С. 154–158.
17. Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 т. [Электронный ресурс] – М. : ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 4. – Режим доступа : <https://rvb.ru/leskov/toc.htm> (дата обращения: 30.04.2021).
18. Маковеева А. И. Стереотип [Электронный ресурс] // Глоссарий СКОДис (Центр социокognитивных исследований дискурса при МГЛУ). – Режим доступа : <http://scodis.ru/студентам/глоссарий/стереотип> (дата обращения: 05.05.2021).
19. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. А–Й. – 702 с.
20. Толстой Л. Н. Воскресение : роман. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1978. – 464 с.
21. Трутко В. В. Особенности синтаксиса «малой» прозы Л. Улицкой // Вестн БДПУ. Серия 1. Педагогика. Психология. Философия. – 2013. – № 1(75). – С. 37–40.
22. Трутко В. В. Особенности формирования образа Слова-знака (на материале рассказов Л. Улицкой: циклы «Бедные родственники», «Девочки») // Вестн БДПУ. Серия 1. Педагогика. Психология. Философия. – 2014. – № 4(82). – С. 70–73.
23. Улицкая Л. Казус Кукоцкого : роман. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 448 с.

Статья поступила в редакцию 17.05.2021

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. Dominantnyj princip konceptual'nogo vzaimodejstviya v yazykovom obshchenii // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – Вып. XXXVIII: Yazyki, kul'tury, modal'nosti: Integraciya metodov kognitivnyh issledovaniy yazyka. – Tambov : Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2019. – С. 21–30.
2. Valeeva D. R. Yazykovye realizacii koncepta «Dom» v proizvedeniyah L. Ulickoj // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2019. – № 1. – С. 50–57.
3. Valgina N. S. Teoriya teksta : ucheb. posobie. – М. : Logos, 2003. – 173 s.
4. Glazkova M. M. Lingvopoetika imeni v novejshej russkoj literature (na materiale prozy Zahara Prilepina i Lyudmily Ulickoj) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. – 2019. – № 1. – С. 158–167.
5. Dimitrieva O. A. «V Rossii p'yanye lyudi u nas samye dobre...» (Ob obraze p'yanogo cheloveka v proizvedeniyah F. M. Dostoevskogo) // Mir russkogo slova. – 2019. – № 3. – С. 56–61.
6. Dimitrieva O. A. Osobennosti konceptualizacii situacii vinopitiya v proizvedeniyah N. S. Leskova // Nauchnyj dialog. – 2020. – № 2. – С. 70–84.
7. Domanskij Yu. V. Vinnaya karta «novogo russkogo»: spirtnoe v «Moskve» Vl. Sorokina i Al. Zel'dovicha // Literaturnyj tekst: problemy i metody issledovaniya : sbornik nauchnyh trudov. – Т. 8. Motiv vina v literature. – Tver' : Liliya Print, 2002. – С. 147–155.
8. Dostoevskij F. M. Brat'ya Karamazovy : roman. – М. : AST, 2004. – 781 s.
9. Zhavoronok I. A. Hudozhestvennaya detal' i ee funkcii v tvorchestve L. E. Ulickoj : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – Tver', 2012. – 19 s.
10. Iriskhanova O. K. O raspredelenii vnimaniya v narrativnyh tekstah: analiz rasskaza Dzh. Apdajka «Daughter, last glimpses of» // Vestnik MGLU. – 2013. – № 17(677). – С. 18–36.
11. Karaulov Yu. N. Ponyatie idioglossy i slovar' yazyka Dostoevskogo // Slovo Dostoevskogo. 2000. – М. : Azbukovnik, 2001. – С. 424–444.
12. Karelova I. I. Nacional'naya konceptosfera i idiokonceptosfera (na materiale proizvedenij L. E. Ulickoj) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. – Volgograd, 2009. – 23 s.
13. Kovshova M. L. Semantika golovno go ubora v kul'ture i yazyke. Kostyumnyj kod kul'tury. – М. : Gnozis, 2015. – 368 s.
14. Kozlova L. N. Sintaksicheskie sredstva sozdaniya razgovornosti (na materiale proizvedenij L. Ulickoj) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie. – 2009. – № 2(10). – С. 110–114.
15. Kolyadich T. M. Refleksiya zhanra sagi v sovremennoj proze (L. Ulickaya i G. Yahina) // Tekst kak filologicheskij fenomen: aktual'nye aspekty recepcii i interpretacii. – М. : MPG, 2018. – С. 298–315.
16. Kotcova E. E. Glaza v portretnyh harakteristikah geroev romana E. I. Zamyatina «MY» // Yazyk kak otrazhenie duhovnoj kul'tury naroda : materialy mezhdunarodnoj konferencii. – Arhangel'sk : ООО «Konsul'tacionnoe informacionno-reklamnoe agentstvo», 2018. – С. 154–158.
17. Leskov N. S. Sobranie sochinenij v 11 t. [Elektronnyj resurs] – М. : GIHL, 1956–1958. – Т. 4. – Rezhim dostupa : <https://rvb.ru/leskov/toc.htm> (data obrashcheniya: 30.04.2021).
18. Makoveeva A. I. Stereotip [Elektronnyj resurs] // Glossarij SKoDis (Centr sociokognitivnyh issledovaniy diskursa pri MGLU). – Rezhim dostupa : <http://scodis.ru/studentam/glossarij/steretip> (data obrashcheniya: 05.05.2021).

19. Slovar' russkogo yazyka : v 4-h t. / RAN, In-t lingvistich. issledovanij. – 4-e izd., ster. – M. : Rus. yaz. ; Poligrafresury, 1999. – T. 1. A–J. – 702 s.
20. Tolstoj L. N. Voskresenie : roman. – Syktyvkar : Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1978. – 464 s.
21. Trut'ko V. V. Osobennosti sintaksisa «maloj» prozy L. Ulickoj // Vesci BDPU. Seryya 1. Pedagogika. Psihologiya. Filasofiya. – 2013. – № 1(75). – S. 37–40.
22. Trut'ko V. V. Osobennosti formirovaniya obraza Slova-znaka (na materiale rasskazov L. Ulickoj: cikly «Bednye rodstvenniki», «Devochki») // Vesci BDPU. Seryya 1. Pedagogika. Psihologiya. Filasofiya. – 2014. – № 4(82). – S. 70–73.
23. Ulickaya L. Kazus Kukockogo : roman. – M. : EKSMO-Press, 2002. – 448 s.

The article was contributed on May 17, 2021

Сведения об авторе

Димитриева Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: olgaal_79@mail.ru

Author information

Dimitrieva, Olga Albertovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Languages, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; e-mail: olgaal_79@mail.ru